

Ли Луо открыл глаза. Сейчас он лежал в палатке главнокомандующего. Слушая все более и более печальную песню снаружи, он чувствовал, как его сердце и барабанные перепонки следуют за печальной мелодией, ритм которой вызывал у него желание сплунуть кровь.

Ли Руян играл эту песню непрерывно уже три-четыре ночи. Он чувствовал, что даже во сне он был окружен этой песней. Он действительно ужасно чувствовал себя.

Если Ли Руян не вынудит уже раздраженного Ци Чен выйти в ближайшее время, то Ли Луо просто не выдержит, и затем пойдет бить виновника Ли Руян до потери сознания.

"В чем дело, Мученг? Не спится?" - Спросил Цинь Юй, который лежал рядом с ним.

"Ничего, просто немного шумно." - Сказал Ли Луо, но в глубине души он ворчал: Это просто шумно, это убивающее чувство. Однако, он также понимал, что это был единственный способ справиться с Ци Чен. Поэтому он никому не жаловался.

Только если они сломают последнюю соломинку генерала Ци Чен и заставят его выйти, они смогут закончить эту затянувшуюся войну как можно скорее.

"Просто потерпи, очень скоро тебе больше не придется слушать эту песню." - Цинь Юй протянул обе руки и закрыл уши Ли Луо, а затем тихо спросил: "Так лучше?"

Когда Цинь Юй положил руки на уши, Ли Луо внезапно почувствовал прилив неопишуемого онемения, сопровождаемый нарастающим смущением в глубине его сердца.

Он не был девушкой. Забота Цинь Юй была такой тщательной, это было несколько странно. Он быстро убрал руку Цинь Юй, и его лицо покраснело, когда он сказал: "Юй, ты не должен так обращаться со мной, я не такой хрупкий."

Цинь Юй также, казалось, почувствовал его движения, он быстро убрал руку. "Я не думаю, что ты хрупкий, я просто хочу относиться к тебе лучше. После смерти Фухуана и Мухоу, мой самый важный человек, это ты. Мученг, ты понимаешь?"

Ли Луо сразу потерял дар речи, он слабо почувствовал, что его действие только что задело чувства Цинь Юй. Если был человек, который заботился о тебе всеми возможными способами, но ты всегда отказывался от его заботы о тебе и доказывал, что это не то, чего ты хочешь - тогда ты такой человек, которому не угодить.

Чувство смущения немедленно исчезло без следа, Ли Луо только почувствовал, как его сердце забило с оттенком вины. Ли Луо поколебался мгновение, а затем лег вместе с Цинь Юй так же, как он делал, когда Цинь Юй рос. Когда он подумал о том, как расстроятся его родители в этот момент, он сразу же протянул руки и обнял тело Цинь Юй

Цинь Юй повернулся спиной к Ли Луо, он ничего не сказал, но он сжал руки Ли Луо, которые обнимали его, в центре его груди; его тонкая рука была поверх руки Ли Луо. Его черные глаза вспыхивали нежностью и ностальгией.

Ли Луо заставил все свое тело прилипнуть к телу Цинь Ю, только тогда он смог обнять Цинь Юй. Теперь у него не было времени думать об этой тревожной песне снаружи, и он бессознательно заснул после этого.

Когда Цинь Юй почувствовал, что руки, которые обнимали его, постепенно теряют силу, он сразу понял, что Ли Луо уже спит, поэтому он слегка усмехнулся, прежде чем обернуться. Цинь Юй долго смотрел на мирно спящее лицо Ли Луо и не мог не склонить голову, чтобы поцеловать его в губы. Потом он обнял Ли Луо за талию и прижал к груди. Словно держа в руках уникальное сокровище, он обнимал его очень осторожно, пока тот тоже не заснул.

.....

Ци Чен не спал почти семь дней. У него были большие темные круги под глазами, как у панды.

Его волосы, которые первоначально были только наполовину белыми, теперь стали еще белее.

Смуглый, он сел на стол и съел миску риса. Но он тут же бросил миску в землю, его лицо было покрыто убийственным намерением, когда он вышел за дверь. Все слуги, которых он встретил на своем пути, были напуганы и дрожали от страха до такой степени, что даже забыли отдать честь. Они только склонили головы, и только когда он исчез, они осмелились вздохнуть.

Ци Чен вошел в зал заседаний, и хотя его цвет лица был немного лучше, чем мгновение назад, он все еще был очень ужасен. Его слава первоначально была построена из горы трупов и моря огня, поэтому прямо сейчас, намерение убийства из его тела бесконтрольно вытекало. Это делало его еще более пугающим.

Ци Чен не собирался больше терпеть, эта война все равно рано или поздно разразилась бы. Так как Цинь Юй настаивал, чтобы он появился, он преподаст Цинь Юй урок на всю жизнь, который он никогда не сможет забыть.

Глаза Ци Чен покраснели. Как разъяренный зверь, который точит свои острые когти, он был готов броситься на врага, чтобы разорвать его в клочья.

В то же время, армия Сян Бэй была готова к войне некоторое время—солдаты уже давно проверяли и полировали свое оружие снова и снова. Они только ждали сообщения о войне, чтобы они могли броситься в бой и сражаться.

Напряженная атмосфера войны безмолвно заполнила воздух, ожидая, когда она вспыхнет, чтобы, наконец, произошло давно назревшее сражение.

И возможность для этого уже была.

<http://bllate.org/book/12817/1130720>